

*«Мир — это задача,
не имеющая решения».*

Будда Шакьямуни
лично автору.

«Я хочу рассказать вам эту историю, потому что... Не знаю, честно говоря, почему, но не рассказать ее я не могу, иначе все, что я сделал в жизни, было зря.

Я пишу свою историю ручкой на бумаге, а не настукиваю на компьютерной клавиатуре, и мне хочется это подчеркнуть. Я вообще буду подчеркивать множество мелких деталей, потом вы поймете, почему. Во всяком случае, я очень надеюсь на это...

Ручка чернильная. В школе я ненавидел чернильные ручки, потому что они все время текли, оставляя на пальцах фиолетовые пятна, которые плохо отмывались. Я их терпеть не мог, полагая, что они с головой выдают во мне маленького глупого ребенка. Хотя я и был ребенком! Но все дети хотят взрослости, и, наверное, поэтому любые проявления детскости им не нравятся. Черт его знает, я не психолог, во всяком случае не профессиональный, а только так, по работе иногда.

Тогда еще не было специальных наполненных чернилами одноразовых ампул с шариком на конце, которые просто вставляешь в ручку, продавливая шарик в глубь одноразовой ампулы, после чего с чистыми руками, горячим сердцем и холодной головой начинаешь писать. Ручки приходилось заправлять. Я очень старался не запачкаться при том! Осто-

рожно откручивал крышку темного ромбовидного флакончика с чернилами и, перевернув крышечку, не менее осторожно клал ее на стол, чтобы не испачкать столешницу. Потом брал промокашку, накладывал сверху на чернильницу, чтобы не испачкать пальцы о краешек горлышка со стеклянной резьбой, протыкал промокашку ручкой, погружая ее в фиолетовые глубины и, придерживая ручку левой рукой, правой начинал работать пипеткой или крутить поршенек — в зависимости от конструкции наборного механизма. Потом, вынув ручку, я аккуратно вытирал ее мокрый конец той же промокашкой, через которую протыкал. И все равно умудрялся испачкать пальцы! Поэтому чернильные ручки я не любил, но почему-то в первом классе нас заставляли писать именно ими, а не шариковыми ручками. Кажется, считалось, что шариковая ручка испортит ребенку почерк, а чернильная, напротив, позволит его выработать. Не знаю, у меня так и не выработался, мало кто мои каракули разбирает. Мама, помню, смеялась: «Быть тебе врачом с таким почерком. Пишешь, как доктор, ни черта не понять!»

Врачом я не стал...

Кроме того, эти перья почему-то все время царапали бумагу, вызывая у меня почти физические мучения. Знаете, так иногда бывает — у некоторых людей возникает непроизвольная гримаса отвращения, и бегут мурашки, когда они слышат звук пальца, скрипящего по стеклу, или шуршание наждачной бумаги по дереву либо ржавчине. Вот у меня такие ощущения были от корябающего бумагу пера! Идеосинкрзия — столь сложное слово я узнал уже в зрелом возрасте, а тогда просто думал, когда же этот кошмар кончится, и нам разрешат писать шариковыми ручками.

Но потом... Потом что-то случилось с организмом, и он захотел перьевую ручку, став уже взрослым. Дорогую перьевую ручку. Красивую. С золотым пером. Которая гладко пишет по хорошей глянцевой бумаге. Писать которой — одно удо-

вольствие. Или даже целых два! Она не пишет, она летит по бумаге, скользит по листу, словно легкая яхта по лагуне... Вы когда-нибудь испытывали это ощущение, это удовольствие от письма чернильной ручкой по блестящей бумаге?

Я вот сейчас смотрю на подсыхающие чернила в строке и даже, кажется, чувствую их слабый сладковатый запах. Или мне это кажется? В школьные годы чернила точно пахли. Не знаю, пахнут ли современные чернила и может ли их унюхать мой постаревший нос. Наверное, мне сегодня этот запах только кажется... Хотя моя мама говорила, что все наши чувства без исключения — это наша чистая кажимость. Они нам только кажутся. В реальности их нет. Она так говорила, когда я был маленьким и плакал, чтобы утешить меня. А еще она была физиком, и это было частью ее мировоззрения. Я не соглашался с ней маленьким. Повзрослев, стал соглашаться, точнее, механически кивал — просто потому что привык к этой мысли, и от этого она стала казаться мне верной. Но это никогда не мешало мне остро ощущать мир. Мне нравилось его ощущать. Испытывать его простые удовольствия. Вот хотя бы такие элементарные, как разглядывание отблеска от желтой лампы в быстро подсыхающих чернильных буквах. Или вкус и запах чашки крепкого кофе в тонком фарфоре.

А вы какие удовольствия испытывали? Или страдания? Вы любили? Вы теряли? Отдача от крупного калибра толкала вас прикладом в плечо — сильно, почти больно? Запах утреннего сырого леса вливался в вас потоком при вздохе полной грудью?

Ну, хотя бы вкус масляных горячих пончиков, щедро присыпанных белоснежной пудрой, помните?..

Я тоже.

Поэтому я и хочу успеть рассказать вам эту историю. Потому что я такой же, как вы, хотя плохо представляю себе, кто такие «вы», и как бы вы смогли это прочесть...»

ГЛАВА 00

Как пистолет оказался в моей руке?

Не сразу, конечно! Бегать в толпе с «Глоком» — не самое умное занятие...

Просто этот затылок в толпе я вдруг заметил и почему-то опознал. Понятное дело, нам фотографии затылков не демонстрируют. Только лица — фас и профиль. Но когда я его увидел, между лопатками почему-то сразу пробежали мурашки, а рука сама потянулась к пистолету. Я поймал этот мышечный позыв правой руки к движению и усилием воли остановил его в самом начале, поскольку вокруг была толпа, а я видел только затылок. Но по знакомому характеру холодных мурашек, бегущих по спине, уже знал, что не ошибся — моя интуиция всегда проявляла себя именно так, и никогда не подводила, подкидывая мне готовые неочевидные ответы на трудные вопросы. Так было с самой юности, это трудноописуемое ощущение холодной дрожи, начинающейся где-то в районе лопаток и подбирающейся к затылку, царапающее затылок ледяными коготками, оно всегда свидетельствовало о том, что в сознании сейчас всплывет ответ, который уже родился где-то в теле или животных пучинах мозга, и я — хозяин тела — вот-вот его получу в виде депеши.

Да, всегда было именно так — сначала предвестники в виде телесных ощущений, они были словно звоночком почтальона, а потом — вспышка прибывшей в мозг телеграммы, внезапное озарение.

В этот раз промежуток между мурашками, быстро сменившимися холодной щекоткой затылка, и осознанием не был долгим — я сразу понял: это он! Но даже зная о безошибочности своего «почтальона», все-таки не позволил себе поверить сразу, в конце концов, я видел только затылок, и мне нужно было убедиться, увидев лицо. Поэтому рука только дернулась, а я просто пошел за ним, повернув в ту же сторону, что и привлечший мое внимание человек.

Какое-то время мы шли друг за другом, и я сверлил его затылок глазами. Видимо, сверлил так сильно, что он почувствовал себя неудобно и в какой-то момент обернулся. Не встал к витрине, чтобы в ее отражении попытаться разглядеть, что происходит сзади, а просто и откровенно обернулся. И пока он оборачивался, я успел отвести взгляд в сторону с отсутствующим выражением лица и даже изменил темп ходьбы, поменял весь рисунок движения, если вы понимаете, о чем я говорю, став более расслабленным. Он не должен был меня выделить из толпы. Мне кажется, у меня получилось. И я до сих пор не знаю, вычислил он меня в тот момент в толпе, просканировав улицу взглядом, или сделал это позже, но скорость на всякий случай прибавил, и это было плохо, потому что мне тоже пришлось прибавить, что сразу выделило нас обоих из толпы, как две квантово связанные частицы. И значит, скоро, очень скоро он меня увидит уже без всяких сомнений.

И он увидел...

— ...а что вы почувствовали в этот момент?..

Господи, как же пошло это прозвучало! Я слышал этот вопрос десятки, если не сотни раз из уст психологов и психо-

терапевтов в голливудских фильмах, в анекдотах, в обыденной речи — причем в последнем случае непременно с нотками иронии или сарказма.

— Тебя это волнует? Хочешь поговорить об этом? — С насмешливой улыбкой спрашивала меня жена, когда замечала непроизвольно вспыхивающее на моем лице недовольство в ответ на просьбу вынести мусор.

Да, я не люблю выносить мусор, застилать постель, гладить белье! А какой мужчина это любит? Когда тебе предлагают такое — вынести мусор, например, — возникает ощущение бесцельно проводимой жизни, разве не так?

Короче, это уже общее место — про «хотите поговорить об этом?», про «что вы почувствовали?», — набившие оскомину штампы из психоанализа, знакомые каждому по кино, вошедшие в анекдоты и поговорки...

Я постарался не показать вида, но она буквально по мгновенной тени, пробежавшей по моему лицу, поняла мои чувства — не те, о которых спрашивала, а сиюминутные, вызванные ее казенной фразой. И смутилась. Конечно, тоже постаравшись не показать этого, но ведь и я по чуть изменившемуся выражению ее лица, по дрогнувшим бровям, заметил тень этого смущения. Джейн поняла, что даже не самой своей пошлой голливудской фразой (в конце концов, стоматологи тоже говорят «откройте рот», и никого это не смущает), а именно интонацией, в которой прозвучало чуть больше равнодушия и формализма, чем следовало, вызвала у меня мгновенное отчуждение. А значит, она сработала непрофессионально.

Возможно, в тот момент она задумалась о чем-то своем, потому и допустила на миллиграмм больше равнодушия в свой вопрос. Но в любом случае она сразу поняла свою профессиональную оплошность, включилась и, к ее чести надо сказать, больше такой ошибки не повторяла. Но у меня вопрос засел. И при случае я его задам — о чем же постороннем она в тот момент задумалась? Может быть, у моего психолога тоже

проблемы? Вот ведь странно, правда? У человека, решающего чужие проблемы, могут тоже быть проблемы. А ведь им ни в коем случае нельзя этого показывать, как нельзя диетологу быть толстым, а дантисту — ошеломлять клиента кривыми зубами и запахом изо рта.

Надо отдать ей должное — она забурилась обратно в контекст нашей беседы так быстро, наверстывая мгновенную оплошность, что я почти позабыл свою мелькнувшую вдруг безумную мысль — встречно начать терапевтировать моего психотерапевта вопросами о ее личной жизни и о том, что она чувствовала.

— Да, прозвучало немного формально, — легкой полуулыбкой Джейн растопила тот кристалл внутренней собранности и внутреннего сопротивления, который во мне было возник. — Но этот вопрос я задаю тысячи раз сотням людей. Он — просто инструмент, как скальпель у хирурга... Поэтому повторю. В тот момент, когда вы выстрелили, точнее, когда поняли, что случилось, — что вы почувствовали? Что ощутили?

Я нахмурился, и это не осталось без ее внимания:

— Вам трудно это вербализовать?

Хм. Трудно ли мне это вербализовать? Трудно ли мне облечь это в слова?

Нет. Не трудно.

Пустота — вот что я тогда почувствовал. Какая-то гулкая, бездонная, бессмысленная уничтожающая пустота...

Когда я увидел провода, сомнений более не оставалось, тем паче, что мои руки уже были выброшены вперед, он был на прицеле и оставалось только спустить курок. Я плавно потянул пальцем, а дальше почему-то все пошло как в замедленной киносъемке, и я, помню, даже успел подумать: интересно, а у него тоже кинолента приостановилась, он тоже видит все замедленно — как я?

Первая пуля медленно вышла из ствола и поползла вперед, так же медленно ствол «Глока» ушел вверх на отдаче,

а вокруг дульного среза повисло почти незаметное облачко порохового дыма. Я уже знал, что не промахнулся, уже чувствовал, куда она придет, первая пуля. Но смотрел на все, как зритель, так что на суде потом можно было бы совершенно честно сказать, что это не я стрелял. Я вообще не имел ко всему происходящему никакого отношения — кто-то отдельный и маленький внутри меня просто глядел на мир глазами изумленно-равнодушного зрителя.

Ствол сходил вниз, корректируясь по направлению привычной мышечной автоматикой рук (я их работы не чувствовал, я вообще ничего не чувствовал и не ощущал), нехотя выплюнул еще одну пулю, и она поползла вперед за своей первой подружкой, которая уже сделала свою правильную работу, прочертив внутри мишени кровавый канал. За долю секунды между двумя плевками, длившуюся, по ощущениям, минут пять или десять, положение тела чуть изменилось, и я видел, что вторая пуля прочертит внутри него прямую, не параллельную первой. Это показалось мне правильным. Мелкие капли красной жидкости, выбитые первой сестричкой, еще недвижно висели в воздухе редким красным туманом, а сейчас рядом с ним взметнется еще одно похожее облачко. И это тоже правильно.

Но потом, в какой-то момент что-то в мире изменилось. Нет, картинка оставалась все такой же замедленной, но отчего-то мир перестал быть правильным. И потому внутренний зритель во мне не сильно удивился, когда вторая сестричка, прошив в мишени короткий канал, потому как ширины тела не хватило на длинный, ушла дальше, почти не изменив формы, отразилась от блестящей гранитной стены (выбив из нее небольшое облако белой крошки) и, поменяв угол, ушла влево, в толпу. Ушла косо, вниз. Это хорошо, мелькнула мысль, по ногам.

Но не все люди высоки. И у некоторых там, где ноги, находится голова.

Девочка в голубом пальто только поворачивала голову на звук первого выстрела — звук, который я в своем замед-

ленном мире вообще не слышал, я вообще никаких звуков не слышал, кино было немым, — а вот второго выстрела она уже не услышала. Вторая пуля равнодушно прочертила в ней еще одну короткую рваную траекторию — ровно по размерам детской головы. Она вошла в правый глаз и вышла в районе затылка, ударившись далее в дамскую сумочку ее матери. Откуда ее потом и достали криминалисты.

В тот момент, когда уже деформированная, как положено, пуля вспарывала сиреневую кожу сумочки левее желтого замка, вздымая последнее облачко на своем пути — облачко пудры из разбитой пудреницы, — медленный мир закончился, и события снова потекли в обычном темпе. Включились звуки — крики людей, полицейские сирены и выделяющийся на всем этом фоне пронзительный, как раневой канал, крик матери. Он включился чуть позже, когда она поняла, что произошло. А до этого момента я успел увидеть, что мертвые руки моей мишени не успели замкнуть провода. А если бы успели, я бы не сидел сейчас перед уставшим полицейским психологом с тонкими морщинками у глаз, которые так огорчают женщин, и не было бы вопля матери, и криков всех этих людей. Как мне сказали, в торговом центре в тот момент было примерно 16 тысяч человек. Чуть больше. Или чуть меньше...

И вот теперь она спрашивает, что я почувствовал в тот момент. А что я мог почувствовать? Что я спас 16 тысяч человек? Или что убил ни в чем не повинную девочку, которой до очередного дня рождения оставалось три дня и которая пришла с мамой в магазин, чтобы выбрать подарок?

Да, на суде меня, конечно, оправдали. Всем, включая прессу и присяжных, все к тому времени было уже ясно, хотя сначала отдельные весьма демократические газеты попытались, пользуясь случаем, извалить полицейский департамент Нью-Йорка в грязь. Но потом, когда вскрылись эти 4 тонны взрывчатки под несущими колоннами, а также дистанционный взрыватель в руках мишени, демократические вопли ра-

зом поутихли. Я даже чуть не стал героем. И стал бы — если бы не эта девочка. И не ее беременная мать, у которой на почве потрясения случился выкидыш.

Конечно, адвокаты противной стороны, покопавшись в моем грязном белье — а у кого его нет? — пытались сыграть на том, что-де полицейский офицер просто расист, допускал высказывания, ненавидел арабов... но всем, включая присяжных, было ясно, что это просто стандартный адвокатский ход, который в данном предельно понятном случае ни к чему не приведет. Тем более что жертва оказалась хотя и мусульманином, но не арабом. А шить мне в тщетной надежде непонятно на что ксенофобию и нелюбовь к «понаехавшим» было бесполезно — я и сам в этой стране «понаехавший». А что, по русскому акценту незаметно? Если прислушаться, он есть...

В общем, ситуация была ясной всем: другого выхода у полицейского, находившегося на расстоянии нескольких метров от сближающихся проводов, не было. Хотя и толпа, и дети... Тем более, что обе пули попали в цель, то есть все было сделано детективом профессионально и чисто. А то, что одна из них цель пробила по короткой, срикошетила и ушла влево вниз... предвидеть такое невозможно. А даже если и возможно, все равно нужно было стрелять, как правильно сказал один из консервативных, но почему-то уважаемых обозревателей. И после длительных обсуждений на всех шоу страны это была вынуждена признать почти вся Америка. Ну, за исключением пары сумасшедших, которые всегда есть и имеют право на мнение: это свободная страна!.. Потому что на весах судьбы 16 тысяч женщин, детей, стариков и мало кому интересных в политкорректном обществе белых мужчин всегда перевесят одну маленькую детскую жизнь.

— Мы поставим ей памятник! Она такая же героиня, которая ценой своей жизни спасла тысячи людей, — сказал один из правых обозревателей на телешоу.

И либеральная ведущая, видно недавно покинувшая университетский кампус, тут же спросила его:

— А этому полицейскому, — она даже не назвала меня по имени, — этому стрелку мы тоже поставим памятник? Ее убийце, пусть и невольному?

Эксперт ничуть не смутился и отреагировал мгновенно. Мне показалось, он даже понял, почему она употребила слово «стрелок» вместо имени — потому что стрелками называют устройств масс-шутингов — массовых расстрелов в школах, магазинах и прочих людных местах. Нет, она не назвала меня преступником, боже упаси, это даже намеком нельзя было назвать, просто у кого-то могла где-то на подкорке подсознательно отпечататься ассоциативная связь меня с массовым убийцей. Хотя массовым убийцей был тот парень, а я массовое убийство как раз предотвратил.

— Да, — мгновенно отреагировал приглашенный эксперт, прямо взглянув в глаза журналистке. Если тебя прижали к стенке, нужно делать вид, что ничего не случилось. А его даже никто и не прижимал. Почти. — Да! Это будет памятник им обоим! И они будут держаться за руки. Или, лучше, смотреть друг на друга, протягивая друг к другу руки...

Это было красиво, черт подери! Даже мне понравилось. И понравилось Америке. Она простила меня, не успев даже сильно на меня обидеться. Простила за девочку, за выкидыш.

Но не я себя. Ведь это моя пуля ее убила. Это я ее убил... Хотя, конечно, в глазах общественности укрепили мнение, что ее истинным убийцей был не я, а тот террорист, имя которого полоскали газеты, — Санал Эврим.

ГЛАВА 01

Будильник прозвонил традиционно в шесть. Я машинально захлопнул его рукой. Он был мне не нужен. Во-первых, я уже не спал: годы работы в полиции приучили просыпаться за две минуты до звонка — практически всегда. Во-вторых, мне сегодня не нужно было идти на службу. И вчера не нужно. И позавчера.

После всего случившегося меня сначала отстранили на время расследования, потом дали большой отпуск — не то в награду, не то с глаз долой. И еще до отпуска отправили к полицейскому психологу. К которой я и ходил почти каждый день уже вторую неделю. И не сказал бы, что с большим успехом. В конце концов, если я сам не могу разобраться в себе, почему это должно получиться у другого человека? И, видимо, в какой-то момент она это почувствовала. Или мне показалось, что почувствовала.

— Вы странный человек, — проронила она как-то между делом, не по ходу сеанса, факультативно.

— Я русский, Джейн, возможно, поэтому... Другой типаж.

— Не думаю. Кстати, у вас почти нет акцента. А я русский акцент хорошо знаю, у меня некоторые знакомые и клиенты...

— У меня вообще нет акцента! — перебил я. И соврал. Когда я волнуюсь, акцент все-таки проявляется. Как хромота в моменты усталости от перенесенного в детстве полиомиелита.

— Неважно, — согласилась она. — Пусть нет. Давайте начнем...

Я не помнил, о чем пошел тогда дальше разговор, просто лежал в кровати, уставясь в потолок, и думал, почему вдруг я так среагировал на ее слова о том, что у меня «почти нет акцента». Мне никогда это не было важно. Даже если бы у меня и был какой-то заметный акцент, какая разница, это же Нью-Йорк! Здесь норма, скорее, наличие акцента, а не его отсутствие. Почему же меня это... я даже не могу сказать, что задело, ибо никаких эмоций я не испытал, просто выпалил свою фразу и все. А почему выпалил?

Однажды Джейн сказала, что люди могут не чувствовать эмоций, которые испытывают. Меня это удивило, и поначалу я счел сию фразу обычной психологической завиралкой, на которые горазды психологи и психотерапевты (кстати, в чем между ними разница?). Возразил:

— Не знаю, я всегда чувствую то, что испытываю!

— Возможно, — кивнула она. — Но опыты с гипнозом показывают, что... Вот представьте себе, человека погрузили в гипноз, внушили страх от какой-то ситуации, ну, я не знаю, например, он увидел медведя в лесу! А потом гипнотизер щелкает пальцами, и человек мгновенно просыпается. Никакого медведя, никакого леса, он в мягком кресле, в тихом кабинете. Бояться нечего! Но его гормональная система, его гуморальные каналы не могут же сразу...

— Какие каналы?

— Гуморальные. Это один из самых древних каналов регуляции в организме — не по нервным проводам, когда

быстро отдается команда в виде электрического сигнала, а химическими веществами через жидкие среды организма — через кровь в основном. Впрыснули вам в надпочечники адреналин, например, и он плавает, пока его организм не переработает печенью, мышцами... Инерционная система. В общем, у человека спрашивают: «Как вы себя чувствуете?» Он отвечает: «Нормально». И действительно, бояться ему нечего. Он спокойно сидит в кресле в кабинете. Но при этом его всего колотит, зрачки расширены, тело продолжает испытывать страх. Который человек не чувствует, не осознает!

Хм, может быть, Джейн права, и я просто не отдаю себе отчета в том, что ситуация с акцентом меня задевает? Иначе зачем я так старательно его вытравливал, приехав в Америку?..

А еще я думал о том, что рядом со мной в кровати лежит моя жена. И тоже не спит. Не спит, потому что не сплю и сверлю глазами потолок я. Интересно, что раньше она даже не слышала этот будильник, просто продолжала дрыхнуть, пока я вставал, умывался, брился, собирался и уходил. А теперь просыпается, потому что просыпаюсь и недвижно лежу я. Просыпается несколькими секундами позже и старательно делает вид, что спит. А я делаю вид, что в это верю...

На сковородке уже шипели два яйца, когда я вдруг вспомнил, что забыл сок, и снова пошел к холодильнику. Что мне нравится в Америке, так это широта масштаба! Вот эти двустворчатые холодильники. Вот это «пошел к холодильнику». В России я мог только повернуться к холодильнику на нашей тогдашней хрущевской кухоньке. И никогда ни у кого я не видел там двустворчатых холодильников. Не знаю, может, сейчас появились?.. Нет, конечно, и в Нью-Йорке полно